

Я кивнула. Сердце в груди билось так громко, что, казалось, его стук отдавался эхом во всём теле. Вэй Хуань наверняка слышала этот грохот, но делала вид, что не замечает. Она всегда была такой умной, и я не могла позволить себе отставать. Мне нужно было заставить сердце утихомириться, но не резко — это привлекло бы внимание, — а медленно, постепенно, чтобы его биение стало спокойным и ровным. Ни единой крупички моих чувств, этих грязных мыслей, не должно было просочиться наружу. Будь мне на самом деле двенадцать лет, я бы, наверное, не придавала этому значения. Но я не была ребёнком. В том далёком будущем, откуда я явилась, я уже прошла через юность, училась в университете, болтала с однокурсницами в общежитии о делах сердечных, по ночам искала в сети «полезные ресурсы». Хотя я и не знала любви сама, но насмотрелась на чужие истории. Я понимала, что это за порыв и жажда. И уж точно знала, что они означали, когда речь шла о Вэй Хуань.

Я лишь не знала, были ли эти порывы и жажда просто преждевременным пробуждением юности или же чувством, что проросло за долгое время. Первое — преодолеть можно, второе... только вырвать с корнем.

С того вечера, как во мне вспыхнули эти недопустимые мысли о Вэй Хуань, я буквально не находила себе места. О других тревогах я могла бы с ней поговорить, попросить совета, но теперь, когда дело касалось её самой, делиться было не с кем. Хотелось отдалиться, запретить ей следовать за мной, но ведь всего несколькими днями ранее я сама настаивала, чтобы она была рядом. Резко менять поведение — выйдет, будто я ветреная капризница, сама себе противоречу. Да и слишком уж это было бы подозрительно, словно я сама себя выдаю. Пришлось собраться и вести себя как обычно. Но наша близость стала пыткой. Она передавала мне вещи по двадцать раз на дню, говорила сотни слов, и теперь я не могла оторвать взгляд от её рук. Если она поправляла мне волосы или одежду — я краснела, сердце колотилось. Жить бок о бок, дышать одним воздухом — настоящее мучение.

Единственным утешением было скорое отбытие в округ Ло. Восточная столица, конечно, уступала столице империи, но и там хватало людей и правил. Я найду предлог, чтобы сократить время с Вэй Хуань на законных основаниях... Но от одной мысли, что дни нашей близости сочтены, сердце сжималось от лёгкой боли.

Близился Новый год, хлопот и без того хватало, а тут ещё у отца случился приступ, и теперь он дневал и ночевал в Приказе Дяньчжун, изредка принимая сановников у горячих источников. Все прочие заботы свалились на матушку.

Матушка не справлялась и, хотя сначала велела Ли Жую и мне помогать лишь полдня, теперь заставляла нас торчать в главном зале с утра до ночи. Я только рада была отвлечься: вставала в час Инь и шла в главный зал, а возвращалась не раньше, чем все засыпали.

Кроме нас, Ваньэр с несколькими служанками, отобранными из Внутренней школы, тоже помогала. Ваньэр готовила проекты указов, разбирала текущие дела, сочиняла от имени матушки сезонные стихи, а я по-прежнему разбирала поздравительные мемориалы со всей страны.

Матушка приставила к Ли Жую опытную женщину-чиновника в помощницы, а меня отправила в боковой зал — сидеть напротив Ваньэр. Так, если мы не могли решить что-то сами, помощники принимали решение, и не приходилось по каждой мелочи тревожить матушку или бояться показаться назойливыми. Её намерение подготовить нас было очевидно и мне, и Ли Жую. Тот счёл это обычной материнской заботой и относился к делу спустя рукава: пописал немного — и бежит ко мне поболтать или подразнить служанок. Я же, вспоминая императрицу Цзэтянь, что сместила двух наследных принцев и двух императоров, уговаривала его взяться за

ум, не разочаровывать матушку. Ли Жуй охотно соглашался, но вскоре снова начинал дурачиться. Раньше часа Сы он не появлялся, а к часу Ю уже искал предлог сбежать. Лишь после того, как матушка его отчитала, он стал задерживаться подольше, но по утрам по-прежнему опаздывал.

В то утро я снова пришла к главному залу при лунном свете. У входа выстроились десятки евнухов с коробами и корзинами — куда пышнее, чем обычно бывало при трапезе матушки. Подойдя ближе, я увидела У Миньчжи в повседневном платье, с плетью в руке. Он лениво наблюдал, как вносят короба, а заметив меня, расплылся в улыбке, неспешно подошёл и, опустив плетень, слегка склонил голову.

— Эрнян, как рано ты поднимаешься, — произнёс он.

Рука сама потянулась к короткому мечу на поясе. Вспомнив, что сегодня я не одна, я опустила её, сжала губы и прошла мимо, не удостоив его взглядом. Евнухи, получившие указания от матушки, тут же проводили меня во внутренние покои. Матушка только что встала и сидела за туалетным столиком, пока Ваньэр укладывала ей волосы.

Я приблизилась, почтительно поздоровалась. Матушка поманила меня, прижала к себе, чтобы я посмотрела в зеркало, и улыбнулась:

— И вправду, ты больше на меня похожа. — Взглянув на моё лицо, ущипнула за щёку:

— Что это с утра не в духе? Кто тебя обидел?

Не сказав про встречу с У Миньчжи, я прильнула к матушкиному плечу:

— Ночью плохо спалось. А вы с Ваньэр о чём это? На кого кто похож?

Матушка рассмеялась:

— Говорили, на кого больше детиходят — на отца или на мать. Я говорю — сыновья на матерей, а Ваньэр считает, что дочери больше в матерей. Ты пришла, я в зеркало глянула — выходит, она права.

Ваньэр тихо добавила:

— Ваше Величество говорите о нраве, а я — о внешности. Если о нраве, то князь Цзи и вправду живой, подобно Вашему Величеству, так что Вы не ошиблись.

Матушка с усмешкой взглянула на неё:

— Выходит, по-твоему, и у меня нрав живой?

Ваньэр кивнула:

— Слыхала я, в юности Ваше Величество искусно играли в конное поло, любили прогулки, верховую езду и стрельбу из лука. Живость ума и духа — несомненна.

— Осведомлённая ты, — заметила матушка.

Ваньэр опустила голову:

— Слава Вашего Величества в игре в поло широко известна, стража Цзинь до сей поры

восхищается. Не мне было наводить справки.

Матушка покачала головой, взяла меня за руку и подвела к окну. Рассвет ещё не наступил, но уже проступала белизна снежного покрова.

— И в столице снег выпал, — тихо улыбнулась она. — В следующем году, гляди, засухи не будет.

Я ответила:

— Снег — к урожайному году. Всё это — по милости двух Ваших Величеств.

Матушка приподняла бровь:

— Хорошо сказано. — И вдруг обернулась к Ванъэр:

— А сможешь ли ты, Вань-цин, сочинить стих на тему благодатного снега?

Ванъэр замерла. Матушка, словно разыгравшись, велела подать письменные принадлежности и с улыбкой сказала:

— В древности Цао Чжи сложил стих за семь шагов. Тебе, конечно, до него далеко, но шагов двадцать, думаю, хватит? Даю тебе двадцать шагов. Сочини стих о снеге. Без строгой формы, без заданной рифмы. Получится — награжу десятью шёлками. Не получится — перепишешь десять свитков буддийских сутр. Как?

Ванъэр сжала губы:

— Раз Ваше Величество приказывает, как посмею отказаться? Цао Чжи дали семь шагов. Я попрошу шесть.

Матушка с улыбкой посмотрела на неё:

— По тону видно, уже мысль созрела. Ладно, будь по-твоему. — Взяв меня за руку, она села и начала считать:

— Два.

Ванъэр шагнула к окну, замерла, глядя наружу. Матушка усмехнулась:

— Стоишь на месте — шаг всё равно идёт. Сыцзы, пройди-ка в сторону четыре шага.

Я поднялась, прошла четыре шага туда-сюда и вернулась к матушке. Оглянулась на Ванъэр. Та склонила голову и почтительно сложила руки:

— Стих готов. Но записать его не успею. Позвольте изречь устно.

Матушка улыбнулась:

— Если стих и вправду хорош — я сама его запишу. Если нет — и не надо.

Ванъэр звучно произнесла:

— Белый лес в снегу поник,

Лишь дворец — как яшмы лик.

Я приняла от служанки кисть и бумагу, взглянула на матушку. Та покачала головой, и я осталась стоять в стороне, держа письменные принадлежности. Ваньэр продолжала:

— Читаю у окошка, но

Не видать бамбука зелени.

Матушка усмехнулась:

— Что-то, Вань-цин, в последнее время не блещешь.

Ваньэр чуть приподняла голову:

— Даже яшмовое древо не выпрямится,

Согнутое тысячью стеблей бамбука.

Матушка фыркнула. Ваньэр досказала:

— Благородный муж смирен сердцем,

Склоняется в покорности.

И склонилась ещё ниже, не поднимая глаз.

Улыбка на лице матушки медленно расплзлась. Она повернулась ко мне:

— Ну что, Сыцзы, как думаешь, стоит этот стих того, чтобы я его собственноручно переписала?

<http://bllate.org/book/16278/1466112>